

2. Филиппович Э.Г. От советской пионерки до челнока пенсионерки. М., 2003. 584 с.
3. Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве: 1956–1980. М., 1990. 477 с.
4. Платонов О.А. Терновый венец России. История русского народа в XX в. Т. 2. М., 1997. 1040 с.
5. Нагибин Ю. Дневник. М., 2005. 702 с.

ГРИНИТИ 03.23.55
УДК 343.7

Т.П. Урожаева
ИГУ, Иркутск

ПРОБЛЕМА БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ПРИАНГАРЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-Х – НАЧАЛЕ 2000-Х ГГ.

В статье рассмотрена деятельность организованных преступных групп Приангарья в 1990-е – начале 2000-х гг. Главными направлениями ее являлись: торговля оружием, хищение дорогих автомобилей с последующим их возвратом за крупное вознаграждение, рэкет по отношению к предпринимателям, наркобизнес, захваты предприятий (рейдерство). Организованная преступность являлась серьезным дестабилизирующим фактором, оказывающая воздействие на социально-экономическую жизнь региона, на хозяйственно финансовую деятельность предприятий, на воспитание подрастающего поколения, на уровень культуры населения Приангарья.

Ключевые слова: организованные преступные группы (ОПГ); рейдерство; бандитизм.

В 1990-е – начале 2000-х гг. нестабильность экономической и общественно-политической жизни страны, снижение жизненного уровня большинства населения, нравственная деградация, а также ряд других факторов создали благоприятные условия для роста организованной преступности.

Основными сферами деятельности организованных преступных групп (ОПГ) являлись: торговля оружием, хищение дорогих автомобилей с последующим их возвратом владельцам за крупное вознаграждение, рэкет по отношению к предпринимателям, наркобизнес, захваты предприятий (рейдерство).

Противоправная деятельность ОПГ в регионе Приангарья оказывала существенное влияние на все сферы жизни и регионального управления, выступая силой, создающей угрозу общественной безопасности, и устанавливая контроль над отдельными промышленными предприятиями, транспортным комплексом региона в частности.

В Иркутской области в 2003 г. было зарегистрировано 20 преступлений данного вида, в 2004 г. – 24 (темп роста – 20 %), а в 2005 г. – 19 (снижение на 20,8 %). Число участников организованных групп в 2003 г. составило 20, в 2004 г. – 12 (снижение на 40 %), а в 2005 г. – 23 (темп роста 91,7 %) [1, с. 46].

На территории Приангарья активно действовало Братское преступное формирование, которое являлось самым многочисленным и наиболее опасным формированием в исследуемом регионе. В данное сообщество входило 5 крупных организованных преступных формирований, а также преступные группы, возглавляемые «положенцами» практически каждого города Иркутской области. Эти группировки также подразделялись на более мелкие формирования в соответствии с направленностью преступной деятельности [2, с. 112].

С середины 1990-х гг. в Иркутской области отмечался рост показателей состояния бандитизма, причем темпы его прироста значительно превосходили аналогичные показатели по России. Удельный вес зарегистрированных фактов бандитизма в Иркутской области в общем объеме выявленного в Сибирском федеральном округе в 2005 г. составлял 42,3 % [3, с. 97].

Особенности географического положения, социально-экономического и культурного развития региона Приангарья обуславливали специфику развития не только самой организованной преступной деятельности, но и факторов, ее детерминирующих. К таковым можно было отнести: криминальную субкультуру, сложившуюся в результате нахождения в Иркутской области значительного числа уголовно-исполнительных учреждений; большое количество природных ресурсов; территориальное расположение региона вблизи государств, в этих ресурсах заинтересованных; наличие нелегальных миграционных потоков граждан из ближнего и дальнего зарубежья; широкое распространение коррупции в сфере управления.

В 1997 г. в производстве областного следственного комитета находилось 115 уголовных дел, сумма ущерба, нанесенного их фигурантами, составляла около 100 млрд неденоминированных рублей. 58 дел было направлено в суд. Совместно с Восточно-Сибирским региональным управлением по борьбе с организованной преступностью (РУБОП) было задержано 5 бандитских групп [4, с. 7].

В том же году милицией области было раскрыто и передано в суд 140 преступлений, совершенных организованными группировками, изъято 54 единицы оружия, 3 тыс. патронов, 71 граната. Кроме того, было возвращено потерпевшим 28 единиц автотранспорта, разоблачено несколько группировок бандитской направленности [5, с. 4].

Проведем сравнение статистических выкладок 1993 г. с итогами 1997 г. Цифры таковы: количество преступлений, совершенных бандами в Иркутской области, увеличилось в 2,3 раза. Однако и уголовных дел в суд было направлено в 3,8 раза больше. В 8 раз больше было осуждено лидеров и участников преступных групп. За 5 лет была изъята 1 141 единица оружия: 53 автомата, 88 пистолетов, 56 тыс. патронов (!), 453 гранаты, 217 кг взрывчатых веществ. Этого арсенала хватило бы, чтобы вооружить роту солдат [6, с. 72].

Иркутская область в конце 1990-х гг., наряду с Московской и Свердловской областями, дала самый высокий в стране рост бандитизма. Связано это было прежде всего с высокой степенью социального напряжения, концентрацией финансовых и сырьевых ресурсов. Рост преступлений этой категории в Восточно-Сибирском регионе составил 92,3 %, а по Иркутской области – 125 % (для сравнения: в России он чуть превысил 24 %) [7, с. 52–53].

В результате мер, принятых подразделениями РУБОП, в первом полугодии 1999 г. в Приангарье была пресечена деятельность 25 банд групп и семи преступных сообществ, которыми в общей сложности было совершено около 390 злодеяний, из них 38 убийств. К уголовной ответственности за бандитизм был привлечен 131 чел., в суд направлено 12 уголовных дел.

В конце 1990-х гг. на территории региона наметилась тенденция роста преступлений, связанных с похищениями людей. Если за весь 1998 г. было зарегистрировано 36 фактов незаконного лишения свободы, то за 6 месяцев 1999 г. было выявлено 33 [8, с. 4].

Все более опасным фактором дестабилизации обстановки в Иркутской области становилась усиливающаяся вооруженность криминальных структур, распространенность хищений оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. За первое полугодие 1999 г. структурными подразделениями РУБОП из незаконного оборота было изъято 57 ед. оружия; из них огнестрельного – 29, в том числе нарезного – 22; боеприпасов – 3 393 шт.; взрывчатых веществ – 12,6 кг; взрывных устройств – 5. По данным фактам было возбуждено 45 уголовных дел, по которым к уголовной ответственности было привлечено 96 человек [9, с. 4].

Для того чтобы противодействовать ОПГ, были созданы совместные группы из местных и столичных следователей, которые работали на конкретных градообразующих предприятиях, могущих стать жертвой криминального захвата (рейдерства). Среди объектов, которые интересовали милиционеров в первую очередь, – Ангарская нефтехимическая компания (АНХ), ОАО «Иркутскэнерго», Братский

алюминиевый завод (БрАЗ), Усть-Илимский лесопромышленный комплекс (УИ ЛПК).

За 3 месяца работы в 2000 г. областная следственная группа не только выявила масштабы происходящего преступного беспредела, но и основательно прижала криминальный элемент. Милиционеры раскопали 34 преступления общеэкономической и уголовной направленности, ущерб по которым составил 9 млн долл. и 141 млн руб., причем сумма возмещенного ущерба была невелика – лишь 5,5 млн руб. Действия группы предотвратили хищений еще на 7,7 млн долл., был наложен арест на имущество стоимостью в 0,5 млн долларов. Было арестовано 29 подозреваемых, среди них – участники преступных группировок из Братска и Иркутска. Например, за хищение более 100 тонн цветных металлов с БрАЗа было арестовано 18 членов братской ОПГ [10, с. 3].

За 9 месяцев 2001 г. сотрудниками РУБОП было выявлено 208 преступлений, в 2002 г. за такой же срок – 293. Прирост составил 40,8 %. В 2001 г. было раскрыто 38 преступлений по сбыту наркотиков, в 2002 г. – 78. Было изъято 10 кг зелья, в том числе героина – 2,1 кг. За девять месяцев 2002 г. огнестрельного оружия было изъято у преступников вдвое больше, чем в 2001 г., а взрывчатки – больше почти в восемь раз [11, с. 3].

В 2002 г. Иркутское управление по борьбе с организованной преступностью выявило на 32,9 % больше уголовных правонарушений, чем за тот же период 2001 г., лишь красноярцы смогли удержаться на прежних рубежах (у них был прирост в 10 раз меньше, чем у иркутян – на 3,8 %). Другие города Сибири после реорганизации службы по борьбе с организованной преступностью снизили показатели: с минусом в 2002 г. работали управления в Чите (-1,3 %), Улан-Удэ (-15,3 %), Кемерове (-16,2 %), в Барнауле (-16,8 %), в Новосибирске (-31,1 %) [12, с. 15].

В 2002 г. в регионе было задействовано 72 ОПГ, на оперативном учете их насчитывалось 109. При этом воровская среда стала более консолидированной. Власть в криминальном мире продолжал удерживать в своих руках лидер братского преступного сообщества В. Тюрин [13, с. 4].

В 1-м полугодии 2002 г. была пресечена деятельность 73 организованных преступных групп, а к уголовной ответственности были привлечены 223 члена ОПГ [3, с. 118]. Количество выявленных преступлений экономической направленности возросло на 15,5 %, в том числе по линии криминальной милиции – на 21,2 %. Заметно активизировалась деятельность подразделений по борьбе с незаконным

оборотом наркотиков. На 4,4 % больше было выявлено преступлений, связанных со сбытом наркотиков. Усилилась борьба с наркодиллерами, групповыми и организованными формами преступности.

В 2002 г. по выявляемости тяжких и особо тяжких преступлений Иркутская область занимала 4 место в России, а по сбыту – 10. Из незаконного оборота было изъято более 2,5 кг героина, 10 кг опия, 16 кг гашиша [14, с. 32].

В 2002 г. в регионе в 2 раза выросли показатели по числу выявленных наркопреступлений, совершенных ОПГ. Если в целом в РФ уровень выявления фактов сбыта наркотиков в 2002 г., по сравнению с 2001 г., снизился на 18 %, то в Иркутской области подобных фактов выявлено на 21 % больше [15, с. 2].

По сравнению с годом ранее, в 2003 г. было выявлено на 12 % больше преступлений с наркотиками, а совершенных ОПГ – на 17 %. При этом в 3,5 раза увеличилось число раскрытых дел по наркосбыту, фигурантами в которых выступали члены организованных преступных группировок [16, с. 15].

Очень сложной оставалась оперативная обстановка в 3 самых крупных городах региона: Иркутске, Ангарске и Братске, где в совокупности регистрировалось более половины всех преступлений, совершенных ОПГ. Несмотря на то, что милиции и подразделениям РУБОП удалось существенно снизить количество тяжких и особо тяжких преступных деяний, они оставались доминирующими: 37,5 % среди всех зарегистрированных [17, с. 129].

В 2003 г. правоохранителями было раскрыто свыше 600 преступлений, совершенных в составе организованных группировок, что на треть было больше чем в 2002 г. Причем количество выявленных особо тяжких злодеяний возросло в 1,5 раза. Подразделениями РУБОП была прекращена деятельность 62 организованных преступных групп, к уголовной ответственности было привлечено 167 участников криминальных формирований. Было возбуждено 58 уголовных дел за незаконный оборот оружия, изъято 145 единиц оружия, свыше 13 кг взрывчатых веществ. Выявлено 126 фактов хищения оружия и боеприпасов, что на 27,3 % больше, чем в 2002 г. [18, с. 3].

В начале 2000-х гг. Иркутская область лидировала по раскрываемости преступлений, совершенных в составе организованных преступных группировок. В 2003 г. их было раскрыто 451, что на 20 % больше, чем в 2002 г. [19, с. 3].

Если говорить о том, какие территории Приангарья давали наибольшее количество преступлений, совершаемых ОПГ, то это Иркутск, Братск, Ангарск и Усть-Илимск. Общее количество преступлений

(по итогам 2004 г.) возросло незначительно, всего на 2,3 %, и составило свыше 6,7 тыс. фактов. При этом было раскрыто почти 3,6 тыс. преступлений, т. е. каждое второе [20, с. 38].

С середины 1990-х гг. власть в криминальной среде Приангарья прочно удерживал руководитель братской ОПГ В. Тюрин. Он предпочитал руководить своими подданными из Москвы, а то и со своей виллы в Испании. Именно с его согласия в каждом городе и райцентре области назначался так называемый положенец, «серый мэр», отвечающий в преступной среде. В. Тюрин «раздавал портфели» – ставил своих людей на выгодные в преступной иерархии должности, определял всем лидерам группировок процент отчислений в криминальный бюджет, давал «добро» или запрет на занятие тем или иным бизнесом и таким образом влиял на взаимоотношения конкурентов и сферы действия «авторитетов» на контролируемой территории.

По оценкам оперативных источников в 2005 г. «налог» в криминальный бюджет составлял в Ангарске от 25 до 50 % прибыли каждой преступной группировки – в зависимости от расположения «серого мэра» к лидеру [21, с. 3].

В период с 2002 по 2005 г. на территории Иркутской области было зарегистрировано около 60 убийств, вызвавших широкий общественный резонанс. Из них почти половина была раскрыта оперативниками уголовного розыска и подразделений по борьбе с организованной преступностью, в тесном сотрудничестве с коллегами из ФСБ и прокуратуры [22, с. 3].

В региональном «челночном» бизнесе крутились большие деньги, которые, в свою очередь, привлекали организованные преступные группы, многие из которых создавали на этнической основе. В среде торговцев процветали рэкет, шантаж и вымогательства, не говоря уже о мошенничестве, кражах и нарушениях паспортно-визовых правил. В 2005 г. зарубежными гостями было совершено 260 правонарушений, что на 251,4 % больше чем в 2004 г., в отношении иностранцев было возбуждено 32 уголовных дела [23, с. 191].

Региональная организованная преступность имела высокие темпы прироста, а изменения ее состояния носили скачкообразный характер, причем темпы прироста зарегистрированной организованной преступности превышали темпы роста всей преступности в целом. Между тем динамика удельного веса зарегистрированной организованной преступности в общей структуре на территории Приангарья изменялась незначительно: от 1,1 % в 2001 г. до 1,7 % в 2003 и 2005 гг.

В 2006 г. рост организованной преступности в регионе составил 1,3 %. Это было несколько ниже общероссийского показателя, который

был равен 2 %. Аналогичные тенденции имел и удельный вес лиц, совершивших преступления в составе организованных преступных формирований. Однако уровень выявления таких лиц был ниже уровня регистрации организованных преступлений: в 2006 г. он был чуть меньше 1 % [1, с. 113].

Подводя итоги, необходимо отметить, что организованная преступность в Иркутской области на рубеже веков сформировалась и развилась как системное общественно опасное явление, обладающее способностью к изменению социальной среды в своих интересах. Анализ количественных и качественных показателей организованной преступности свидетельствует о том, что масштабы активной деятельности организованной преступности представляли угрозу безопасности населения не только на территории Иркутской области, но и Восточной Сибири в целом. Преступность являлась серьезным дестабилизирующим фактором, оказывающим воздействие на социально-экономическую жизнь региона, на хозяйственно-финансовую деятельность предприятий, на воспитание подрастающего поколения, на уровень культуры населения Приангарья.

Библиографический список

1. Мацинский Р.В. Региональная криминологическая детерминация организованной преступной деятельности (по материалам Восточно-Сибирского региона). Иркутск, 2007. 205 с.
2. Шоткинов С.А. Преступность в крупных городах Восточной Сибири. СПб, 2004. 221 с.
3. Островских Ж.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика бандитизма (по материалам Восточно-Сибирского региона). Иркутск, 2006. 240 с.
4. Баканович М. Темных делишек – на сотню миллиардов // Юридическая газета. 1997. № 12. С. 7.
5. Поставить мафию на колени пока не удалось // СМ-номер один. 1998. С. 4.
6. Состояние преступности в Восточно-Сибирском регионе в 1992–2002 гг. Аналитический обзор. Красноярск: СибЮИ МВД РФ, 2003. 128 с.
7. Мисайлов М.И. Уголовный бандитизм в Сибири как проявление групповой преступности // Проблемы борьбы с групповой и организованной преступностью. Иркутск: ВСИ МВД, 2001. С. 52–53.
8. Бандитов теснят, а они не сдаются // Аргументы и факты в Восточной Сибири. 1999. С. 4.
9. Обезоружить криминал // СМ-номер один. 1999. 31 С. 4.

10. Люстрицкий Д. Милиция в «закрытой зоне» // Восточно-Сибирская правда. 2000. С. 3.
11. Бегагоина Л. Обыкновенная банда // Аргументы и факты в Восточной Сибири. 2004. С. 3.
12. Сведения о преступности г. Иркутск согласно данным Информационного центра УВД Иркутской области за 1997–2002 гг. Иркутск: Облкомстат, 2002. 21 с.
13. Агония братского «спрута» // СМ-номер один. 2005. С. 4.
14. Эдельман А.И. Наркомания и преступность: современные тенденции и региональные особенности // Проблемы борьбы с групповой и организованной преступностью. Иркутск, 2002. С. 29–33.
15. Решетников Ю. Натиск наркомафии сдерживается // Аргументы и факты в Восточной Сибири. 2002. С. 2.
16. Щербаков А.С. У опасной черты // Юридическая газета. 2003. № 21. С. 15–16.
17. Тамбовцева Г.М. Проблемы борьбы с организованной преступностью (на материалах Восточно-Сибирского региона): ... автореф. дисс. канд. юрид. наук. СПб., 2001. 176 с.
18. Софронов В. Криминальная ситуация под контролем // СМ-номер один. 2004. С. 3.
19. Бегагоина Л. Мафия смертна // Восточно-Сибирская правда. 2004. С. 3.
20. Состояние преступности в Сибирском федеральном округе 1997–2003 гг.: аналитический обзор / под ред. С.М. Малькова. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2004. 139 с.
21. Воронин О. Новая власть и новые бандиты // Восточно-Сибирская правда. 2005. С. 3.
22. Марфицин С. Вал преступности сбить не удалось // Конкурент. 2005. С. 3.
23. Репецкая А.Л. Транснациональная организованная преступность: характеристика, причины, стратегии контроля. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2005. 236 с.

ГРНТИ 02.41.21
УДК 130.2

М.М. Бетильмерзаева
ЧГПУ, Грозный

МЕНТАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ГОРОДА

В статье рассмотрена связка «человек» и «город» как пример символичности человеческого мира; определены содержание, структура и соотношения понятий «повседневность» и «ментальность». Предметом исследования служат